

Посвящается

Т. Г. Масарику

МОЩЬ ФИЛОСОФИИ

Б. Яковенко

ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Велика философская мысль и превозмогает!

С древних пор и на протяжении чередующихся столетий живет она в непрестанном усилии опознать и выявить Сущее: каждое сущее и все сущее. Постепенным множеством постижений, концепций и систем раскрывается в свершении времен и само-утверждается в ходе истории. И многозначительно, разительно, глубоко-ценостно умственное зрелище этого ее самоутверждения.

Прежде всего, для непредвзятого, искреннего с собою самим и с Сущим зрителя тут обнаруживается единственное в своем роде упорство познавательного устремления, исключительное постоянство и настойчивость, подлинно-титаническое усилие мысли. Столько, казалось бы, было неудач, срывов и поражений; и вместе с тем, за самыми редкими исключениями, ни тени отчаяния или разочарования! Напротив того, попрежнему, и все снова и снова, обнаруживается самое серьезное и неотступное, неустанное, уверенное старание проникнуть в Сущее, объять его и раскрыть: каждое сущее и все сущее.

Историческое бытие философской мысли представляет собою воистину небывалую картину непобедимого умственного мужества, неистощимой умственной отваги, неисчерпаемой духовной энергии и служит одним из самых повелительных, поучительных и заразительных примеров духовного и нравственного самоутверждения вообще; пожалуй даже самым чистым, возвышен-

ным, бескорыстным, а потому и самым духовным и нравственным его примером. И такого впечатления не в состоянии изменить (или хотя бы ослабить только его решительность и безусловность) сама кажущаяся внешняя несогласованность, противоречивость, хаотичность исторического обнаружения философской мысли. Ибо чуткий и честный философский созерцатель тотчас же под такою внешностью открывает ее неустанный единый и существенный упор и фронт: опознать каждое сущее и все сущее; опознать его вне каких бы то ни было наносных схем, противоречий и разногласий; опознать его так, как оно есть.

Именно поэтому-то исторически наличное многообразие философских проявлений не только не дезориентирует, не истощает и не расточает бесплодно и хаотически философскую мысль, а, наоборот, обогащает ее, расширяет, ободряет, умножает ее силы. Через него, ведь, философская мысль мало-по-малу испробует все новые и новые проблемы, или, вернее, испытывает все новые и новые постановки и формулировки одних и тех же вековечных проблем; и не только их постановки и формулировки, но и их все новые и новые решения, а равно и все новые и новые методы этих решений. Шествие философской мысли по векам своего исторического существования есть не только *via crucis*, т. е. путь мучительного самоиспытания и самотерзания, но и путь саморасширения, самополнения, саморазвития и самораскрытия. Чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить примитивно-узкие рамки греческого натуралистического мировосприятия и миропонимания в категории чувственной вещи и сопоставить с этим относительно необъятную широту хотя бы Лейбница натурализма, утонченно-оспиритуализованного через понятие бесконечно-малого (дифференциала) до сложной монадологической системы. И насколько, далее, шире, богаче, утонченнее и живее кругозор Гегелевского спекулятивного диалектизма по сравнению с гораздо более неподвижным, схематическим, отвлеченным монадологизмом Лейбница! И не раздвинулись ли мощно вновь и вширь и вдаль горизонты философской мысли благодаря последнему так наз. гносеологическому периоду философства-

ния, так что самая Гегелевская спекулятивная диалектика кажется уже прокрустовым ложем, в которое более не способен вместиться с тех пор разросшийся, обогатившийся и утончившийся философский опыт?

Мало того! Философская мысль не только саморасширяется, обогащается и растет в процессе испробования все новых и новых подходов, концепций и систем, но она, — что особенно существенно, — и самоуглубляется также, а самоуглубляясь, самоосвобождается, закаляется, усиливается, побеждает. Ее путь, по существу своему, есть путь преодоления предрассудков, путь самокритики, самоочищения. В ее поступательном ходе особенно многозначительны и плодотворны всегда бывали моменты обостренного самосознания, которыми властно обозначался всякий раз могучий и глубокий сдвиг в философствовании. Таковы: вся «майевтика» Сократа, все «сомнение» Декарта, вся «критика» Канта, весь «гносеологизм» только что изжитой эпохи. Ведь исключительно на Сократовском самопознании выросли Платон, Аристотель и Плотин. Ведь на Декарте встали и утвердились Спиноза с Лейбницем. Ведь на почве Канта только и смогли зародиться, сложиться и развернуться системы Фихте и Гегеля! И ныне, после столь длительного периода гносеологической «гигиены», уже совершенно явственны признаки намечающегося нового метафизического строительства, свободного не только от космического натурализма древне-греческих мыслителей и спиритуалистического натурализма после-декартовской эпохи, но и от гносеологического субъективизма (консциентизма) и формалистического диалектизма всего после-кантовского периода. Всякий раз тут философская мысль делала радикальный, существенный шаг в деле более проникновенного опостижения сущего, как такого: каждого сущего и всего сущего. В спекулятивно-диалектическом круговороте Гегеля оно было раскрыто свободнее, конкретнее, существеннее и сущностнее, чем в какой бы то ни было философской системе или концепции, начиная от Фалеса (или еще ранее) и до Канта. И после грандиозного гносеологического опыта последнего пятидесятилетия (и в особенности, после сокрушительной критики познания и бытия у Брадли;

настойчивой борьбы против психологизма и других форм субъективизма у Гуссерля; тонких, скрупулезных и долготерпеливых стараний Лопатина и Ройса преодолеть осново-антиномии сущего; самоутверждения интуиции у Бергсона; опыта чисто-трансцендентальной философской конструкции Когена) надо ждать теперь новой, еще более свободной, еще более конкретной, еще более сущностной транскрипции Сущего.

В многообразном и разноликом своем историческом ста-
рании проникнуть в сущность Сущего философская мысль одновременно как бы все глубже и глубже врывается в его под-
почву, все шире и шире распространяется по его строению и все выше и выше подымается по его этажам. И, благодаря этому ее комбинированному усилию по всем трем измерениям сразу, растет, расширяется, преображается, просветляется и очищается само здание, само Сущее.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИХ САМО-ОБНАРУЖЕНИЙ

Но историческим значением в смысле поступательного движения отнюдь не ограничивается еще значение исторического хода философской мысли. Оно имеет, равным образом, и свое большое систематическое значение: и в нескольких отношениях философская мысль властно самоутверждается не только путем постепенного самоусовершенствования и само-
глубления на протяжении веков, но и через самоудовлетво-
рительность и самодовлеющую свою в каждый данный мо-
мент своей жизни, на каждом данном этапе своего историче-
ского самосвершения, в пределах каждого отдельного цикла
своих самообнаружений. Каждая философская эпоха, внутри
ее каждое философское течение, а внутри его каждое философ-
ское построение имеет свой день абсолютной значимости и
бывает, следовательно, исчерпывающей, совершенно предмет-
ной транскрипцией сущего. И чем гениальнее, проникновен-
нее, объемлющее предполагаемая концепция, тем абсолютнее
в тот день ее значимость, и тем длительнее длится день ее або-
лютного значения.

Так, напр., с Канта и до наших дней абсолютна значимость гносеологической ориентации философствования. Ее не сумели, не смогли поколебать ни материалистически-позитивистические, ни спиритуалистически-психологические покушения и попытки 40, 50 и 60-ых годов минувшего столетия, ни поверхностные экстравагантности - новейшего то ли эстетического, то ли исторического, -то ли религиозно-философского дилетантизма. А внутри этого общего всей последней эпохе (XIX и началу XX столетия) гносеологии, в его так сказать вводной стадии, абсолютна значимость трансцендентального идеализма в чреде великих концепций Канта, Маймона, Фихте и Гегеля. Наконец, и каждая из этих систем в свою очередь имеет свой день и круг абсолютного значения; в особенности же длительно и обширно — система Гегеля, самая совершенная, самая отточенная, самая существенная, самая всеобъемлющая. Или, беря примеры из современности: абсолютно значим, по своему, сейчас анти-психологизм Гуссерля; абсолютно значима сущностная критика познания и бытия у Брадли; абсолютно значим Бергсоновский призыв к интуиции; абсолютно значима намечающаяся уже разнообразно плюралистическая тенденция. Пусть завтра всем им предстоит утерять эту свою безусловную значимость перед лицом новых философских открытий, построений, синтезов, еще более проникновенных, еще более существенных, еще более сущностных! Это нисколько не мешает им в сегодняшний день и в сегодняшнем философском круговороте довлеть и самодовлеть безусловно.

Подобным же образом имело или имеет свой час и свой круг абсолютного давления каждое обнаружение философской мысли; даже самое примитивное, самое одностороннее, самое эфемерное самое приблизительное, самое поверхностное. Пусть ему будет положен абсолютной жизни буквально один только день или час, как ничтожнейшей букашке-поденке; пусть круг его значения сводится к одному только утвердившему его сознанию, и при этом только на один день, или час, или миг жизни этого его утвердителя; все равно, хотя бы и кратковременно, хотя бы и мгновенно, философская мысль самоутверждается в нем с абсолютной значимостью, ибо самодовлеет тут и в тот час

или миг именно в таком-то и таком-то конкретном, и в своей конкретности тогда совершенно существенном, самопроложении и самоизъявлении. И именно этот то плюрализм ее абсолютного значения, эта временно-пространственная множественность ее самодовления есть красноречивое, конкретное, жизненное историческое свидетельство об ее внепредельной, постоянной и вездесущей систематической мощи.

Есть о том же и другие еще более многозначительные, более импозантные свидетельства. В самом деле! Ведь философская мысль неизменно живет и движется в периодических циклах. Есть всегда определенные пределы ее саморазмножения, ею самой себе полагаемые; есть всегда некоторое определенное круговращение в ее самодвижении, ею самой себе предписываемое. Проследить эту цикличность философского движения можно и в большом и в малом масштабе; но наиболее типичны, явственны и поучительны, при этом, разумеется, циклы эпохальные, знаменующие собою ход убеждения и знания не у отдельных людей и не у более или менее ограниченных кружков их, ассоциаций и сообществ, а у целых народов и культур. Тут философская мысль самоутверждается путем длительного внутреннего борения и длительной внутренней выработки. Она долго и напряженно ищет правильной установки и проникновенной систематизации; испробует разные и противоположные возможности; и только в конце сложного и утомительного самоискусса приходит к завершающей и все-разрешающей формулировке, в которой находит себе место каждое сущее и все сущее соответствующей эпохи, и одновременно оправдываются все предыдущие философские ее искания и усилия. Таков, напр., натуралистический цикл древне-греческой философии, проходящей сначала через противоположные стадии примитивного идеализма (Платон) и примитивного реализма (Аристотель) с тем, чтобы достичь, в конце концов, у Плотина идеал-реалистического синтеза, до конца и всесторонне выражавшего мудрость той эпохи и той культуры. Таков вышеупомянутый гносеологический цикл великого немецкого идеализма, приводящий через тезис Канта трансцендентизма и антитеисис Фихтеевского имманентизма к исчер-

пывающему и исполняющему все мотивы соответствующей эпохи и культуры трансцендент-имманентизму Гегелева синтеза. В каждом из этих циклов философская мысль, сообразно времени, исполняла до конца свой внутренний закон, доводя себя до всех своих пределов, испытывала все свои возможности и, в конце концов, успокаивалась во всестороннем, целостном и самодовлеющем самоутверждении, таким образом дважды демонстрируя и пролагая систематически свою значимость и свою мощь: как процесс достижения и как завершительный синтез.

Наконец, историческая жизнь философской мысли запечатлена явственнейшим образом цикличностью во всем своем целом. Ее история имеет определенную общую магистраль, есть своеобразный огромный мировой цикл циклов, чрезвычайно многообразный, многосложный, многоэтажный. Самая общая форма ее свершения: от космизма (греческая философия) через гносеологизм (немецкая философия) к трансцендентализму запутанно перекрецивается с более узкоциклическими, но неотступно повторяющимися из эпохи в эпоху другими ее формами: от дуализма через монизм к плюрализму, от эмпиризма через рационализм к интуитивизму, от объективизма через субъективизм к субъект-объективизму, от трансцендентализма через имманентизм к трансцендент-имманентизму. И такая многообразность и запутанность ее самоутверждения усложняется перекрестно же еще тем, что — то ли узко, то ли широко — цикловые ее само-обнаружения носят, с точки зрения цикла циклов, подчас только отрицательный или подготовительный, подчас же положительный и конститтивный характер. Многие философские концепции, играя кардинальную роль в соответствующих более или менее ограниченных циклах и в свое время бывши подлинными проявлениями само-утверждения философской мысли, в общем контексте философского процесса сохраняют исключительно лишь значение отрицательных инстанций или имеют только временно-методологическое значение; между тем как другие концепции, помещаясь в общий поток философского становления, приобретают сразу же вековечный смысл и значение, оказываясь прямым выражением вековечных кате-

горий. Положительное систематическое значение первых абсолютно лишь для определенных эпох, тогда как вторым, поелику они выявляют подлинные моменты самого сущего, предстоит стать категориальными моментами самой конечной системы. Таковы, бесспорно, концепции Платона, Аристотеля и Плотина; Декарта, Спинозы и Лейбница; Канта, Фихте и Гегеля. Это — неотъемлемые обязательные вехи всякого философского пути, неугасимые путеводные светочи всякого философского размышления. Они не только тренируют и научают философствовать, не только служат трамплином или школою, как всякое другое значительное проявление философской мысли, не только входят неотъемлемыми звеньями в определенные временно-пространственно ограниченные циклы философствования, но составляют в своем многообразном взаимо-пополнении подлинное философское законодательство, поддающееся, конечно, дальнейшему усовершенствованию и дополнению, но в своем существе абсолютно-значимое и само-довлеющее. И, разумеется, в этих-то именно концепциях и системах и в цикловом их взаимоотношении и обнаруживается по-настоящему всесторонне и до конца подлинная мощь философской мысли.

Философия в ее истории и философия, как систематическая мысль, стало быть, нераздельны; тем более нераздельны, чем значительнее и гениальнее мыслитель (или философский цикл) и чем всеобъемлющее его мысль (мыслит ли он только теперь или мыслил ранее — безразлично). В ходе и развитии философской мысли есть всегда нечто вне-временное, непреходящее, абсолютное, само-довлеющее, что, раз обнаружившись, не исчезает более никогда. Каждая философская мысль (а тем более каждый цикл философских идей; и тем более, чем он значительнее) бывает *explicite* сполна и всесторонне запечатлена этим достоинством в момент своего актуального выступления; и ни одна не теряет его всецело, даже когда отступает в тень исторической потенциальности, музейности и забвения; ибо ни одна не утрачивает бесповоротно своей способности к действию, свято храня ее *implicite* в груди своей. Ни одна философская мысль не бывает и не становится навсегда или бесполезной или бессильной. Она не может этого в силу прирожденной ей систе-

матически-философской мощи. Все, что возможно тут, это лишь понижение ее в своем самодовлеюще-творческом достоинстве до роли помощницы других более существенных и могущественных мыслей.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

Итак, философская мысль неотступно само-утверждается исторически и само-довлеет сквозь свои исторические обнаружения и в них систематически; и этим изначально присущая ей мощь показуется с неоспоримой очевидностью. Однако, ее значимость этим далеко и далеко еще не исчерпывается; ибо ее сила, ее значение дают о себе знать, и при том еще существенное, еще импозантнее, также за пределами этого ее, так сказать, эго-центрического существования.

В самом деле! Нет, вообще, такой культурной сферы или среды, в которой философская мысль не находила бы себе применения, более того, где она не оказывалась бы первенствующим фактором, и не получала бы руководящей роли. Будет ли это наука, искусство, государство или религия; будут ли то более частные подразделения этих коренных, существенных сфер культуры и культурного; будет ли то культура в ее целом, т. е. в синтезе и связи всех своих отдельных струй и тенденций, как она осуществляется в жизни и истории отдельных народов, а в огромном масштабе — в жизни всего сознательного мира (человечества), — повсюду философская мысль является началом направляющим, освещющим, объединяющим. И это по той простой причине, что культура, всякое проявление культуры стоит изначально под знаком смысла и постижения, а философская мысль столь же изначально являет собою высшее напряжение постигающего осмысливания. Как закулисная, интимная сторона, философствование наличествует неотменно в подоплеке любого культурного образования и обнаружения, его обосновывая, вдохновляя, определяя. Нет такого научного синтеза, такого художественного творения, такого государственного акта, такой религиозной доктрины, в ко-

торых так или иначе не драпировалась бы философская мысль, и которые не стояли бы твердо и уверенно, как таковые, только на ней одной. И сами концепции истины, красоты, справедливости и божественного суть явственнейшим образом ее порождения и только в ее лучах и обретают и сохраняют свой смысл, свою значительность и свою значимость.

История науки преизобилует примерами, подтверждающими с очевидностью сказанное. И для этого нет надобности забираться в далекие дебри античных начатков науки или средневекового ее провозбания, когда, за самыми редкими исключениями, между научной деятельностью и философствованием не проводилось никакой грани, и первая просто философизировалась (будь это у Фалеса или какого-нибудь мага или алхимика до-ренессансового периода). Достаточно указать на открытия и теории Коперника, Галилея и Ньютона, которыми была осново-положена современная наука, но которые, несмотря на все свое чисто астрономическо-механическое содержание, были попытками осмыслить все мироздание, т. е. попытками существенно миро-созерцательными, философскими. И научно-основополагательное и отвлеченнейшее математическое учение о бесконечно-малых (дифференциалах) родилось и научно-утвердилось тоже в самом тесном сплетении, с одной стороны, с Лейбницевской монадологической метафизикой, а с другой, с Ньютоновым учением о движении, закрепившим окончательно торжество Коперникова миросозерцания над наивными представлениями греков и Средневековья. Дарвинизмом и эволюционизмом именуются столько же определенные чисто-научные теории биологического и антропологического характера, сколько и определенные философские концепции и миро-понимания. Позитивизм (по крайней мере в его изначальной, автентической форме) есть явственным образом попытка науки, или лучше, комплекса точных наук, заменить своими наиобщими итогами философствование и философский синтез. Открытие и развитие учения о комплексах стояло в непосредственной связи с логическими и философскими апориями учения о бесконечно-малых и, в свою очередь, чувствительнейшим образом отразилось на трактовании некоторых основ-

ных теоретически-философских проблем. Так наз. математическая логика, являясь чисто-математической дисциплиной, едва-только оперившись, стала тотчас же претендовать на все-логическое значение, вообразив, что способна стать тою Все-логикой, тем Все-языком, той *Characteristica generalis*, о которой так настойчиво мечтало столько философов, и великий Лейбниц в том числе. Чисто-научное концептуальное переустройство, наметившееся с начала нынешнего столетия в механике и физике, тотчас приобрело характер и смысл борьбы между механистическим и энергетическим миросозерцаниями. Наконец, пресловутый принцип относительности, стоящий сейчас в центре внимания всех ученых механиков и физиков, был некоторыми философами тотчас же переформулирован в новую философию мироздания и существования, так что теперь приходится серьезно и кропотливо думать о том, где же тут значительное научное приобретение, где приемлемое, но давным давно известное, философское представление, и где совершенно несостоятельные философские измышления.

Поелику искусство и философия гораздо чужероднее, дальше друг другу, чем наука и философия, двигающиеся одинаково обнаружениями мысли, между тем как искусство есть обнаружение фантазии, усмотреть философский элемент в искусстве не так просто, как в науке; и история искусства не является, как история науки, повествованием о философических замашках и покушениях своего объекта. Тем не менее, и художественное творчество, по меньшей мере, на своих кардинальных этапах и в своих гениальных основополагательных проявлениях неотменно насыщено философской мыслью, ибо наделено всепроникающим смыслом и воплощает всеобъемлющее мировидение. Явственнее, очевиднее всего это, конечно, в сфере искусства поэтического и прозаического, как наиболее мыслительных из всех существующих искусств. Великие классики греческой трагедии, Данте, Шекспир, Сервантес, Мольер, Гете, Толстой, творя прекрасное слово, неотменно и неустанно старались выявить смысл существования и учили жизни. Муза Байрона и Шелли, Шиллера и Геббеля, Лермонтова и Тютчева — муза глубоко-миросозерцательная; и в настоящее время трудно себе даже

вообще представить такого писателя, даже посредственного таланта, даже незначительного, который не проводил бы сквозь свои рифмы и образы какой-нибудь идеологии, какого-либо представления о мире, какой-либо философии жизни. Но и архитектура, ваяние и живопись явственно обнаруживают миросозерцательную душу. Основная разница между храмом византийским, храмом ренессансовым и храмом готическим, между полотнами Леонардо, Ботичелли, Рембрандта и Тициана, между скульптурами Египта, древней Греции и, скажем, хотя бы Микель Анджело, или — обращаясь к новейшим временам — между изваяниями Родена и Мейстровича есть разница в понимании мира и жизни, есть разница воспринимаемого и возвещаемого «смысла». И даже в музыке, во всяком случае в наиболее значительных, глубоких музыкальных творениях, не тех, что усаждают слух, не тех, что служат демонстрацией виртуозности, а тех, что делают и составляют музыку и заставляют звучать и жить самое душу, очевидна философическая, миросозерцательная подоплека. Симфонии и сонаты Бетховена, оперы Вагнера, все произведения Баха, Моцарта, Шумана, Шуберта, Шопена, Чайковского, — что это такое в большем или меньшем масштабе, при большей или меньшей силе и гениальности экспрессии, как не музыкальное повествование о сущности и смысле бытия?

Государство тоже совершенно чужеродно философии, являясь определением волевым и практическим; но и оно насквозь пронизано и пропитано философской мыслью; особенно явственно в крупных, глубоких, радикальных самопроявлениях своих, захватывающих и определяющих собою целые эпохи и целые народы, даже общества народов. Любой исторический пример может продемонстрировать это с исчерпывающей очевидностью. Афины и Спарта в древней Греции, великая римская империя, теократическое государство средних веков, абсолютная монархия нового времени, буржуазно-демократическая республика XIX столетия, — все они были ни чем иным, как политико-социальным, между-человеческим выражением и воплощением каждый раз особого мировоззрения, проведением в конкретную жизнь каждый раз особого «смысла». Совер-

шенно ясна, наглядна идеологическая, миросозерцательная природа нынешнего российского государственного строя, проходящая красной нитью через все акты советского правительства, как ясна и наглядна была миросозерцательная же подоплека недавнего российского самодержавия, которою оно только и держалось на протяжении столь долгого времени в умах, сердцах и душах русских людей. Обе великих революции новейшей исторической эпохи, французская и русская, были несомненно и очевидно движимы и озарены определенными концепциями мира и жизни, на почве которых только и могла возникнуть и разлиться широким морем беспощадная, духовно-политико-социальная критика, приведшая к перевороту, и вырасти те запросы и требования, которые воплотились в пришедших на смену старого устройствах. На вопрос: как возможна оказалась грандиозная революционная катастрофа, потрясшая и продолжающая еще потрясать Россию, а равно и Европу, может быть дан только один основной, принципиальный ответ: благодаря глубокой идеально-миросозерцательной трансформации, пережитой русским народом на протяжении XIX столетия в лице своей интеллигенции, руководившейся своими великими духовными вождями и представителями. Наша великая революция есть явственнейшим образом соборное дело Чаадаева, Белинского, Герцена, Гоголя, Хомякова, Чернышевского, Бакунина, Лаврова, Михайловского, Достоевского, Соловьева, Толстого. И ими же, в сопряжении с идеологическим опытом последующего времени, несомненно определится и тот устойчивый политico-социальный, государственный уклад, в котором народ русский пожмет плоды всего этого грандиозного потрясения. Самым наглядным, пожалуй, подтверждением конститутивной, основополагающей роли философской мысли в становлении и свершении государственной жизни является исторический факт повторяющейся гибели всех государственных образований, разложившихся духовно и утерявших смысл существования. Так рухнули Афины, Рим, средневековая теократия, феодальная государственность, русское самодержавие. Ныне, в период глубочайшего кризиса вступила и буржуазно-демократическая республика.

Что касается, наконец, до религии, то хоть она и является изъявлением веры в противоположность философской мысли, но исторически культ и догмы всякий раз выступают в самом тесном сплетении с учением о смысле бытия и жизни, им обволакиваются, обосновываются и оправдываются. Не было фактически и нет такой религиозной веры, которая бы не формулировала себя в религиозную мысль и не искала бы в философствовании опоры и поддержки. Как это ни странно, как ни парадоксально, но именно тогда, когда внешне религия (как теология) становилась особенно деспотической госпожою и, не довольствуясь низведением философии до роли служанки, старалась унизить ее до положения полнейшей рабы, именно тогда, по существу, она оказывалась в наибольшей зависимости от философствования, впадала в наибольшую рационализацию веры и явственно стояла на пороге своего вырождения и упадка. Классическим примером тут является, конечно, средневековая схоластика во всех фазисах своего развития; ярок также пример современного русского религиозно-философского старания обновить религиозное сознание (в частности православие). Надеясь философски утвердить веру за счет философии, представители и того и другого течения в действительности утверждают мощь философской мысли за счет религии. Но для того, чтобы открыть само-довление философское в одеждах религиозных, нет даже надобности в таких парадоксально-экзотических примерах, ибо оно обнаруживается повсюду в религиозной жизни. Фактически вера каждого, напр., христианина, или сужая еще более круг рассмотрения, каждого православного, есть всегда своеобразное, более или менее сложное, разработанное и продуманное религиозное мировоззрение, в котором Бог, человек и мир живут в некоем осмысленном взаимоотношении и взаимодействии. Даже самый примитивный христианин или православный, обладающий самыми узкими духовными горизонтами, без сомнения верит, все же, в терминах какой-то хотя и весьма смутной и совершенно самодельной, но определенно мысленной миро-концепции.

ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

Вся культура, стало быть, насквозь пронизана философской мыслью, которая насыщает собою все ее поры. Однако, сколь ни многосложна культура, она представляет собою всего лишь маленький островочек на поверхности огромного, беспредельного океана жизни; и если бы значение и сила философского осмысливания ограничивались лишь пределами культуры, то не больно-то широки были бы, в конце концов, его горизонты и вовсе не велик его диапазон. Но, в действительности, философская мысль так же направляюща и основополагающа в жизни, как и в культурных сферах и обнаружениях. Да и как бы было возможно иначе, раз культура есть, так сказать, лишь сгусток или концентрация самой жизни, ее интенсивно-сознательное проложение и утверждение, как бы ее рупор, и является, следовательно, плоть от плоти и кровь от крови ее единородным детищем?

В каком бы масштабе и само-проявлении ни брать жизнь, она повсюду и всегда обнаруживает свой постигательный фон, свою миросозерцательную природу. Жизнь любого народа и в его целом, и в его отдельных временных и пространственных частях, и в каждом ее переживательном мгновении направлена всякий раз к какой-нибудь определенной цели, освещена определенными идеалами, ориентирована на определенном мироисследовании. Чтобы убедиться в сем, достаточно просто сравнить между собою, напр., жизнь до-петровской Руси, петровской и после-петровской Руси и России XIX столетия, живших в существенно различных целеустремлениях и понятиях на фоне общей идеологической установки русской души, определяющей всю ее историю. Не менее убедительным будет и сопоставление между жизнью народа афинского и жизнью народа русского, или между жизнью народа английского и народа немецкого. Сколь для жизненной сущности первого из них были типичны такие человеческие явления, как культ многобожья, законодательство Солона, проповедь Сократа, демократически-аристократический строй, столь же существенно жизненный смысл второго определяется исконным общинным

бытом, чуждым какому бы то ни было аристократизму, православно-монашеской церковностью, чуждой всякой государственности и светскости, титанической реформой Петра Великого, титанической борьбою интеллигенции с самодержавием на протяжении XIX столетия, творчеством Толстого и Достоевского. Жизнь английского народа, в свою очередь, определена личностью Кромвеля, творчеством Шекспира, наукой Ньютона, действической религиозностью, идеями демократического конституционализма и морского империализма, духом эксплуатации и коммерции; в то время как для народа немецкого типичны и основополагательны Лютер, феодальный государственный плюрализм, творчество Гете, романтизм, великая проповедь классического идеализма, континентальный империализм Бисмарка.

В равной мере идеологически же определяется и жизнь различных эпох и периодов, различных сословий, классов и положений, различных кругов, ассоциаций и сообществ. Именно в мировоззрительной разнице коренится, напр., различие между Средневековьем и Ренессансом, между классицизмом и романтикой, между аристократией и купечеством, мещанством и интеллигенцией, капиталистом и рабочим, богатым и бедняком. Желая существенно описать смысл жизненного явления, обозначаемого, напр., словом капиталист или словом рабочий, придется остановиться не столько на внешне экономических условиях их существования, сколько на их духовном умственно-волевом отношении к миру и к жизни, т. е. раскрыть миропонимание и целевую ориентировку каждого из них. Желая обнаружить существо какой-нибудь корпорации или какого-нибудь сообщества, напр., знаменитой немецкой студенческой корпорации Саксо-Боруссия, или почтенного московского Психологического Общества, или столь деятельного ныне Американского Союза Христианской Молодежи, или столь плодотворной на бумаге и в потенции, но пока еще столь бесплодной и бессильной *in actu* Лиги Наций, необходимо, главным образом, уяснить себе руководящую каждой из этих организаций идеологию и преследуемые ею цели.

Но, может быть, нигде мироозерцательная, идеологиче-

ская подоплека жизни не выступает так рельефно, так убедительно, как в жизни отдельной личности или индивидуума, будет ли она взята во всем своем целом, или на протяжении одного из основных своих периодов, или же только в каком-нибудь отдельном моменте своего свершения. Жизнь отдельного конкретного человека, жизнь умственная, эмоциональная и волевая, всецело определяется его ориентацией в мире, значит, тем, как он осмысливает и понимает существующее и себя самого и чего хочет или требует от мира, от людей, от себя. Каждый человек в душевном нутре своем, в своей душевой сущности, неизбежно и всегда философ, выявляющий, затем, свое миросозерцание так или иначе, ясно или смутно, решительно или неуверенно в своем поведении, в своих высказываниях, в своих помыслах, в своих построениях, в своих переживаниях. Этот примат миросозерцания особенно явственен у личностей экстраординарных, великих, гениальных, как Моисей, Будда, Сократ, Христос, Магомет, Леонардо-да-Винчи, Лютер, Гус. Явственен он и у классически запечатленных типов человеческой личности, как Эдип, Гамлет, Дон-Кихот, Тартюф,Faуст, Дон-Жуан, Чичиков. Но внимательный взор способен его без труда обнаружить в любом проявлении и поступке любого индивидуума любой эпохи. Не говоря уже о том, что все жизненное поведение Дантона или Робеспьера, Керенского или Ленина определяется целиком присущим каждому из них идеологией, и в активной повседневной жизни любого рядового вершителя великой французской революции и русского большевика, или любого эмигранта из Кобленца и участника белой российской контр-революции руководящую роль играет бесспорно его миросозерцание, его философия. Самый примитивный и ограниченный человек, дикарь или пошехонец или Решетниковский подлиповец, самый бесшабашный и разнузданный разбойник, красноармеец или белогвардец, самый извращенный и бесчувственный преступник, палач или чекист живет при всей узости, убогости или чудовищности своего духовного горизонта, все же осуществлением и изживанием определенного миросозерцания. Всякий человек, сколь мало бы он ни был человеком, потому и человек (и лишь постольку человек), что (и поскольку)

он осмысливает окружающее и самого себя и есть философ, пусть самый убогий, самый что ни на есть самодельный и ограниченный, но, все же, по-своему непрерывно мыслящий, постигающий и волящий и только тем и через то и живущий.

И точно так же, как сущностно миросозерцательна человеческая личность во всем своем жизненном целом и в различные отдельные периоды и моменты своей жизни, миросозерцателен по своей натуре, с одной стороны, последний элемент жизни — переживание вообще, а, с другой, и вся жизнь человеческая во всей ее многоликой, многогранной и безмерной совокупности. Каждое отдельное переживание, даже самое недифференцированное и мимолетное, есть всегда постижение, осмысление и всегда, значит, философично. Может быть смутное, спутанное, отрывочное переживание, но не может быть переживания, лишенного смысла: само переживание бессмыслицы имеет, ведь, свой явственный смысл. Всякое переживание предполагает некоторое миросозерцание, в нем сущностно коренится и на него так или иначе указывает собою и из себя. У ребенка то будет миросозерцание, конечно, ребяческое, у взрослага — зрелое, у дикаря — дикарское, у импрессиониста — импрессионистическое, у чекиста — чекистское, у черносотенца — черносотенное. Но везде и повсюду человек будет переживать миросозерцательно, и переживание его будет частичным конкретным взвещением, голосом, рупором исповедуемой им ясно или смутно философии. В этом смысле можно сказать, что любое переживание есть *implicite*, потенциально, миросозерцательный микрокосм, есть мимолетное изживание философии, обнаружение живого философствования. И точно так же можно сказать, что вся жизнь во всем своем целом есть совокупное изживание философии, миросозерцательный макрокосм, живая философия во плоти, конкретная, актуализированная, жизненная мудрость.

В этом исполняющем его миросозерцательном смысле переживание обретает само-довлеющий момент и само в силу этого само-довлеет. Всякое переживание, и как молниеносно пронесшийся духовный миг, и как целостная личность, и как длительное историческое событие, и как жизнь во всей ее совокупности,

зnamенует собою то ли малую, то ли большую истину, воплощает в себе некоторую то ли ничтожную, то ли значительную, то ли колоссальных размеров значимость. Истина какого-либо минутного или ординарного переживательного состояния какого-либо отдельного, ординарного индивидуума, какого-либо ординарного жизненного периода, ординарна, ничтожна и малозаметна; истина творческого переживания Сократа или Софокла, Леонардо или Галилея, Лютера или Петра Великого, Гете, Наполеона или Толстого, или же истина императорского само-утверждения древнего Рима, или эпохи Реформации, или монархического собирания и устроения Руси, или великой русской революции, — громадна. Но и в том и в другом случае, благодаря этой своей мироизмерительной осмысленности и значимости, благодаря этой присущей ему философической истинности, переживание оказывается вне-временно, непреходяще, абсолютно, является неотъемлемым экспонентом и составным элементом жизненной мудрости и тем демонстрирует особенно широко и убедительно природную мощь философской мысли.

ФИЛОСОФИЯ И СУЩЕЕ

Но ни история философии, ни культура, ни жизнь не обнаруживают еще всей и максимальной мощи философии. Они показывают философскую мысль либо в ее временности, в ее исторической, значительно мумифицированной, музейной отдаленности и проецированности, либо в служении иным, не философским задачам и силам, либо в слишком стихийном круговороте, в слишком мало-сознательной, примитивной обстановке жизни. Всю свою мощь и свою высшую мощь философская мысль проявляет только тогда, когда непосредственно и действительно выступает, как таковая, с кардинальным систематическим своим заданием: до конца осмыслить и опостичь Сущее: все сущее и каждое сущее, а в том числе и саму жизнь, и саму культуру, и саму свою историю, и даже самое себя — философскую мысль, как факт и фактор жизни, как мотив и сферу культуры и как систематическое усилие постичь Каждое и

Все. Только лицом к лицу с самим Сущим, только в самосознательной, сосредоточенной и непосредственной очной ставке самой себя с Сущим, и при том всем сущим и каждым сущим, достигает она апогея силы, самодовления значимости.

Ибо тут, во-первых, философская мысль преодолевает ту обусловленность нефилософским, в которой она пребывает и от которой зависит при всякой иной менее самостоятельной установке; и, следовательно, становится независимой, свободной от предрассудков, суеверий и просто догматических презумпций, характеризующих любую другую мысленную установку, кроме чисто-философской, в особенности коли она именно навязывается философии. Во-вторых, относясь максимально критически к себе самой, философская мысль и по отношению к Сущему усваивает себе тут тоже максимально критическую установку. Будет ли то уже осознанное и как-то критически препарированное Сущее культуры, или же непосредственно-данное, непроанализированное, переживательное Сущее жизни, философская мысль, когда она вполне сознательно и полновластно выступает именно как философская мысль, не берет на веру ни в том, ни в другом случае своего предмета, но ищет его подлинный состав и обличие путем тщательного его рассмотрения, подвергая критике и сомнению все, что ни находит в нем или в связи с ним, борясь со всякою неоправданной и неуясненной фактичностью или данностью в нем и довольствуясь только существенно-понятым и явственно-усмотренным. Другими словами, философская мысль в своей чисто философской установке и своем чисто-философском действии есть неизбежно и непременно критическое преодоление переживательной и культурной данности Сущего и себя самое, как переживательной и культурной установки на Сущее, во имя его сущностного опостижения, чисто-существенного обладания им, само-довлеющей жизни в нем.

И чем больше философская мысль преуспевает в этом своем изначальном задании, тем в большей мере, в третьих, становится она мудростью, полной мудростью. Ибо мудрость есть не что иное, как совершенно живое, сущностное бытие-знание, нравственно-делание, прекрасно-творчество, свято-испо-

водание; или жо, суммируя, жизнь в предмете, жизнь в Сущем. Мудрый мудростю своею всецело поставлен в бытии, в добре, в красе, в святости, в каждом из них и во всех них; и так в них пребывает, что ни одно из них не вмещивается, при этом, в сферу другого и не нарушает тем ни его, ни своего само-довления; и он — сам, мудрый, уже не сам там более, уже не налагается — жизненно ли, культурно ли — на сущее, а предоставляет ему всецело быть самим собою. Частично мудр уже Сократ в своем нравственном суще-делании; частично мудр Христос в своем свято-суще-верии; частично мудры Леонардо, Бетховен и Гете в их прекрасно-суще-творчестве; и частично же мудры Эвклид, Галилей и Ньютон в их бытие-суще-знании. Мало того, мудр бывает, — пусть в несравненно меньшей степени, с бесконечно меньшею проникновенностью, с неизмеримо меньшею -само-отдачею Сущему, с безу словно меньшею жизненностью своей в Сущем-жизни, но все же мудр какой-то искоркой истинной, глубинной мудрости — всякий, кто хоть на мгновение ставит себя либо нравственно, либо религиозно, либо эстетически, либо познавательно, либо просто-жизненно прямо в Сущее; а таков, ведь, каждый человек. Но полноты своей и действительной высоты и значимости мудрость достигает, становясь тогда полной и всецелой мудростью, только там, где философская мысль до конца само-отчетливо и критически и совершенно предметно само-утверждается в своем суще-постижении одинаково и сразу по всем сущенаправлениям и суще-моментам. Такова мудрость Плотина; такова мудрость Гегеля.

Оригинальная и исключительная мощь философской мысли, значит, в том, что она восходит критически до разумного, трансцендентального (т. е. ни трансцендентного, ни эмпирического, а непосредственно-сущностного) созерцания, в котором предстает и налишествует сама сущностная феноменология Сущего: каждое сущее и все сущее, как оно подлинно суще в своей каждой и в своей всесущности. Жизнь, культура и история, и в том числе также и сама философия в ее исторических обнаружениях, суть лишь подготовительные фазы, сферы, ступени, по которым и через которые философская мысль всякий раз

критико-систематически шествует и восходит к конечному разумному озарению, к полному критическому само-угашению в чистом предмете, к свободной и всецелой мудрой жизни в Сущем. Сами по себе они способны лишь к более или менее хаотическому, поверхностному, опосредственному, предрассудочному, догматическому, отрывочному, схематизированному, половинчатому обладанию Сущим. И сама философская мысль, поскольку коренится в них и с ними шествует, хоть и составляет стержень их смысла, но сама через то ослабляется, приижается в своем смысле. Только в абсолютном преодолении этих разных сред своего обитания, только в преодолении себя самой как такой их обитательницы, только в обретении полной само-отчетной свободы, непосредственности и сущностности «умного света» или суще-видения, находит она полное свое само-утверждение и завершает свой «царский» критико-интуитивный путь, приставая к трансцендентальному берегу самого Сущего.

Подлинное философское постижение есть само-упразднение философской мысли в Сущем и прямое наличествование Сущего. Подлинная конечная мощь, самодовлеющаяность и значимость философии есть, стало быть, не иначе как мощь, самодовлеющаяность и значимость самого трансцендентального Сущего.

Велика философская мысль и превозмогает!